

DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.073

УДК 821.161.1-3 Берберова + 808.1 + 325.2

М. А. Хатямова*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия*

ТЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ В ПРОЗЕ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ

В статье рассматривается актуальная для русских эмигрантов первой волны проблема возвращения на родину в творчестве представительницы младшего поколения писателей Н. Н. Берберовой. Материалом исследования темы возвращения и образов советских людей стал рассказ «Биянкурская рукопись» из цикла «Биянкурские праздники» (1930) и роман «Последние и первые» (1929).

Анализ нарративной структуры рассказа «Биянкурская рукопись», имеющей двухуровневую организацию (описание похорон друга рассказчика и чтение его рукописного романа о возвращении на родину, в Советскую Россию, хронотопа путешествия в «совершенно мертвый» город и встречи автора-героя с родственниками — советскими людьми), обнажает антиутопическую позицию Берберовой в отношении идеи возвращения, а также эстетическую рефлексия о задачах эмигрантской литературы и произведении как «человеческом документе».

Возвращение как организованное советским правительством «уловление» эмигрантских душ в романе «Последние и первые» анализируется в связи с сюжетом переселения простых эмигрантов во французскую провинцию, на земли Прованса. Почвенническая в своей основе, идущая от славянофилов и Достоевского, идея духовного спасения на земле, воспринятая не религиозно, для начинающей писательницы имела социальный, культурный и поколенческий смысл и противостояла утопии возвращения. В образах и поведении советских «ловцов душ» отца и сына Келлерманов, излишне телесных, ориентированных на материальные блага, беспринципных, бездушных, коварных, представлены варианты новых советских политиков, свободных от родственных и дружеских связей, патриотизма и сострадания к соотечественникам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литература русского зарубежья; младшее поколение первой волны эмиграции; Н. Н. Берберова; идея возвращения; образы советских людей.

Ц и т и р о в а н и е: Хатямова М. А. Тема возвращения на родину в прозе Н. Н. Берберовой. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.073 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 4 (193). С. 152–164.

*Поступила в редакцию 03.03.2019**Принята к печати 22.10.2019*

Marina A. Khatyamova

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia**THE THEME OF HOMECOMING
IN THE PROSE OF N. N. BERBEROVA**

This article considers a relevant issue connected with the first wave of Russian emigrants returning to their homeland in the works of N. N. Berberova, a representative of the younger generation of writers. The theme of return and images of the Soviet people are studied with reference to *The Billancourt Manuscript* from the cycle *The Billancourt Tales* (1930) and the novel *The Last and the First* (1929).

The analysis of the narrative structure of the story *The Billancourt Manuscript*, which has a two-level organisation (description of the funeral of a friend of the narrator's and reading his handwritten novel about his return to his homeland, Soviet Russia, the chronotope of a trip to the "dead" city and the author/main character's meetings with relatives — Soviet people), reveals Berberova's dystopian position as regards the idea of return, as well as aesthetic reflection on the tasks of émigré literature and the work as a "human document".

Return as "catching" of migrant souls organised by the Soviet government in the novel *The Last and the First* is analysed in connection with the story of resettlement of ordinary immigrants to the French province of Provence. Pochvennichestvo in its basis, coming from the Slavophiles and Dostoevsky, the idea of spiritual salvation on earth, perceived not religiously, had a social, cultural, and generational meaning for the novice writer and was opposed to the utopia of return. The images and behaviour of the Soviet "catchers of souls", the Kellerman father and son, unnecessarily bodily, focused on material benefits, unscrupulous, soulless, insidious, represent variants of new Soviet politicians, free from kinship and friendship, patriotism and compassion for their compatriots.

Key words: literature of the Russian abroad; the younger generation of the first wave of emigration; N. N. Berberova; idea of return; images of Soviet people.

Citation: Khatyamova, M. A. (2019). Tema vozvrashcheniia na rodinu v proze N. N. Berberovoi [The Theme of Homecoming in the Prose of N. N. Berberova]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 4 (193), 152–164. doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.073

Submitted on 03 March, 2019

Accepted on 22 October, 2019

Нина Николаевна Берберова (1901–1993), попавшая в эмиграцию, по ее собственным словам, «женой Ходасевича» и по возрасту принадлежавшая к младшему поколению писателей первой волны, создательница популярных биографических и мемуарных книг, малой прозы и четырех романов, сама никогда не собиралась возвращаться в Советскую Россию, однако неоднократно высказывалась по поводу идеи возвращения, воспроизводя в своем творчестве актуальный эмигрантский сюжет в антиутопическом ракурсе. Уже первые ее

прозаические произведения — рассказы серии «Биянкурские праздники», публиковавшиеся в газете «Последние новости» с 1929 по 1934 гг. и посвященные изображению жизни русского эмигрантского «пролетариата», были связаны, по ее мнению, «невидимой связью» с советскими людьми того времени, о котором в литературе эмиграции «было ничего не известно»:

Самые ранние из «Биянкурских праздников», — поясняла позднее Берберова, — не могут не напомнить читателю Зощенко (и в меньшей степени Бабеля и Гоголя), и не только потому, что я по молодости и неопытности училась у него, но и потому, что мои герои — провинциалы, полуинтеллигенты поколения, выросшего в двадцатых и тридцатых годах, *говорили языком героев Зощенко*, потому что все эти рабочие завода Рено, шоферы такси и другие *читали Зощенко каждую неделю в эмигрантской прессе* (курсив автора. — М. Х.), перепечатававшей каждый новый рассказ его в парижских газетах в двадцатых и тридцатых годах, на радость своим читателям [Берберова, 2011а, с. 11].

Однако исследование массового сознания простых эмигрантов в «Биянкурских праздниках» Берберовой осложнялось сочувственным отношением автора к своим героям, что проявилось в организации повествования (движении от характерного сказа к интерференции слова нарратора и персонажа, свидетельствующего о романтическом «вживании», «вчувствовании» нарратора в позицию персонажа, сопереживании автора-повествователя, пусть и носителя другого сознания, своим героям (чем, видимо, и был обусловлен успех «Биянкурских праздников» у рядовых читателей) [подробнее см.: Хатямова, с. 11–30]. Советская Россия напрямую не изображается в этих рассказах, однако присутствует в судьбах персонажей в виде воспоминаний о пережитом или надежды на возвращение.

В рассказе «Биянкурская рукопись» (1930), организованном как «текст в тексте», автор «передоверяет» сюжет возвращения одному из персонажей — Ване Лехину, рукопись которого после самоубийства он завещал «писателю» Биянкура (и наивному рассказчику, от имени которого организованы многие произведения цикла) Грише, чем вызвал смутение в душе последнего:

В завещании оказались и впрямь неожиданные вещи. Кто бы мог подумать такое о Ване Лехине? Миллионов, как я и думал, он после себя не оставил. Белье и одежду дарил он Щову, сапоги — в пользу бедных, самопишущий карандаш, галстук, кисет (еще тех времен) просил оставить для музея биянкурской жизни, если таковой оснуется <...> а мне предназначил перевязанную старой подвязкой рукопись в папке — тут-то я и удивился со Щовым вместе: Ваня-то Лехин, оказывается, собирался стать русским писателем, каким-нибудь в самом деле Маминым-Сибиряком! Ах ты, тфу! [Берберова, 2011а, с. 102].

Рукопись Вани Лехина, в сюжете которой реализуется главный младоэмигрантский миф о возвращении в Россию, домой, к матери, пародирует и исповедальную форму «человеческого документа» (оговорка Гриши о Мамине-Сибиряке должна подчеркнуть реалистичность и достоверность Ваниного

романа об эмигрантской жизни). Герой рукописи — несомненный *alter ego* ее автора, Вани Лехина, а географическая топонимика автобиографична. «Текст в тексте» превращается в «текст о тексте», в метатекстовую структуру, дающую возможность автору (Берберовой) высказаться и идеологически (прояснить свое отношение к идее возвращения), и эстетически (самоопределиться в отношении задач литературы эмиграции: высказаться о концепции литературы как «человеческом документе» Г. Адамовича — Г. Иванова [см.: Коростылев, Федякин; Матвеева, с. 108–114; Каспэ; Рубинс]). Завершившаяся самоубийством жизнь автора рукописи бросает трагический отсвет на саму надежду возвращения, буквально сжигающую изнутри ее носителя, о чем догадывается причастный писательству биянкурский хроникер Гриша, воспроизводящий трагедию творческого человека в эмиграции языком обывательского эмигрантского новояза [см.: Шепетовский, Хатямова]:

С первого взгляда сомнение закралось мне в душу: не от романа ли умер он, милый мой Ваня Лехин? Мне стало вдруг ясно: горело в нем что-то, как на пожаре, и от этого долгого пожара не смог он более жить. Как это не догадались мы, что в нем воображение страдает? Может быть, и еще в каком-нибудь приятеле то же происходит, а мы и не знаем! Но некоторый из приятелей не признается. Ни я сам первый [Берберова, 2011а, с. 103].

Композиционно рассказ состоит из двух частей: Гриша повествует о жизни Биянкура и похоронах Вани Лехина; воображаемое возвращение домой составляет сюжет рукописи последнего, часть которой включена в повествование. Однако «жизнь» и «текст» не образуют оппозиции: как события в Биянуре (смерть и одинокие похороны Вани Лехина только высветили бессмысленность его существования в ожидании возвращения на родину), так и повествование о переходе в другую, желаемую реальность, становятся расставанием с утопией.

Путь героя домой отмечен воссозданием реально-воображаемых мест, получающих зловещую тональность. Возвращение происходит ночью («ночь была черна», «потом надвинулся мрак»), в непогоду («с деревьев сдувало последние листья», «колеи дороги, размытые дождями, едва чернели, нога попадала в них», «бежали тучи», «меня чуть не сшибло с ног ветром»). Он долго идет через поле и рощу (в которой «когда-то, очень давно, сначала сражались две стороны, а потом убивали и грабили»), попадает на кладбище, потерявшее конкретные родные приметы («Мне представилось, как завтра утром, по серенькой погоде, я вернусь сюда, узнаю прямую дорожку, кусты сирени, плиту на могиле отца» [Там же, с. 104]). Город предстает в ментальном путешествии героя безлюдным, но узнаваемым, несмотря на смену названий улиц:

Городская больница частью закрывала от меня даль. Начался город. Я знал этот город. Я знал эти улицы. <...> Порою забор обрывался, и из глубины двора молча бросалась за мной собака и сейчас же отставала. Никто не встретился мне в этот поздний час. Я отсчитывал перекрестки, сворачивая по памяти. На каком-то углу мне

попалась наполовину сорванная доска: улица Карла Либкнехта. Мне показалось, что я узнаю этот перекресток. Екатерининская [Берберова, 2011а, с. 104].

Встреча с безмолвным домом, с закрытыми изнутри ставнями, заставляет «толкаться в груди сердце» героя. Герой не узнает свой дом изнутри: он перестроен, на втором этаже живут чужие люди:

По моим воспоминаниям, здесь должна была быть лестница во второй этаж, однако ее не было. Беззвучно отворилась какая-то дверь, мы двигались тихо, словно плыли...;

Я положу вас в мамину комнату, другой постели у нас нет, у нас пока все еще две комнаты, наверху живут [Там же, с. 106].

Встречает его незнакомый шурин, дважды (советский человек и еврей) *готовый* и к той реальности, в которой живет, и к заботе о близких:

Войдите, — сказал человек. — Это же целое событие! Только тихо, не надо будить. Ночью пусть спят. Днем устают.

С чемоданом я протиснулся в дверь. Во мраке я теперь не видел ничего. Где-то спокойно и довольно громко тикали часы.

— Надо представиться, — сказал человек шепотом, и я почувствовал, как он протягивает мне руку. — Моисей Борисович Готовый, Сонин муж [Там же, с. 105].

В портретном описании маленького человека с большими черными любопытными глазами физиологические подробности подчеркивают жалкую худобу и бедность; дважды говорится, что он был в подштанниках, «на темени его торчали легкие черные волосики, такие же волосики вылезали из больших ушей и ноздрей тяжелого носа» [Там же, с. 106]. Несмотря на то, что он понимает значимость события возвращения из эмиграции родного брата жены («это же целое событие!»), страх, готовый прорваться в любой момент, глубоко сидит в нем:

— У вас так тихо, — сказал я, — всюду.

— Да, слава богу, теперь... — ответил он, и полузабытый испуг мелькнул в его влажных глазах [Там же].

Жалкое впечатление на другой день производят и племянники, «совершенно одинаковые» мальчики «лет шести-семи», с «хрупкими холодными руками», которые никогда не видели привезенного героем апельсина и «впились в него тонкими с острыми коготочками пальцами». Общие птичьи характеристики («держали руки по швам, не мигали, не закрывали ртов. Штаны их были застираны, курточки зачинены; я поманил их к себе и поцеловал каждого в голову: от них пахло птичьими перьями» [Там же, с. 107]) делают их неразличимыми, кукольно-механистичными.

Несмотря на то, что вернувшийся в родной дом блудный сын получает сакральную животворящую пищу — хлеб и рыбу (уху из судака), и ему представляется, что цель достигнута («Я ел судака и хлеб. И мне казалось, что хлеб

живой, он дышит, он видит, идет мне навстречу, входит в меня, насыщает меня и делает счастливым»), долгожданная встреча с матерью и сестрой откладывается почти по законам сказочной ретардации. Затем автор-герой еще раз проговаривает ситуацию не оправдавшей его ожидания встречи с родными в воображаемом письме к оставшейся во Франции Мадлен, причем завершает его вопросами о своем эмигрантском окружении:

Только что прибыл. Поезд опоздал. Народу было миллион. По ужасной погоде в совершенно мертвом городе отыскал дом. Конечно, волновался, как дурак. Встретил меня сестрин муж, un ture assez rigolo <довольно забавный тип — фр.>. Соня и дети спали, а мама вернется завтра. Напишу тебе еще, соображу, стоит ли тебе приезжать... Как у вас все? Здорова ли ты? Пиши обо всем. Получила ли мою открытку из Москвы? Кого видала из дорогих друзей? Что творится в «Капризе»? Кланяйся всем, особенно Щову, и поблагодари его за сыр, который он подсунул мне незаметным образом, когда я уезжал... [Берберова, 2011а, с. 107].

Наивный писатель Ваня Лехин, адресуя повесть такому же наивному читателю, в письме еще не встретившегося с семьей героя уже развенчивает утопию возвращения (в «совершенно мертвый город»), выражая его подсознательное предчувствие: он останавливает готовую последовать за ним в Россию Мадлен («соображу, стоит ли тебе приезжать»).

Встреча героя с «неузнаваемо растолстевшей», «с болезненным напряжением в лице, как бывает, когда люди ни за что не хотят выдать того, что у них на душе» сестрой обнажает их чуждость друг другу. Он отмечает несоответствие воображаемой, сохраненной в памяти и реальной сестры:

Она ничего не могла выговорить. Слезы струились у нее по лицу, и я невольно думал, какой она мне стала теперь чужой, она, которую когда-то купали в одном со мной корыте. Ее руки, запомнившиеся мне как легкие руки школьницы, и толстое обручальное кольцо носила она уже на мизинце [Там же, с. 108].

Для сестры вернувшийся из Европы брат — источник и социальной опасности («француз», «белогвардеец»), и личной (его приезд может убить мать):

Не то робость, не то зависть была в ее глазах, когда она взглядом впиалась в меня. — Ты, ты, — твердила она, — так вот ты какой стал! Француз! Белогвардеец! Ах! — она заплакала. — Много ваших назад вернулось за этот год, да разве мы верили? Смотри, маму не убей! [Там же].

Кульминацией путешествия героя становится долгожданная встреча с матерью, приобретающая глубоко мифологический и вместе с тем фантазмагорический характер. Герой, наблюдающий через окно за приближением матери, воспринимает ее появление сакрально, как вечное возвращение человека к самому главному, к своим истокам: «И в какой-то миг, отмеченный, наверное, за тысячу лет до этого дня, я увидел, как из-за угла вышла о н а» (разрядка автора. — М. Х.) [Там же].

Мать воспринимается существом другого мира, поэтому отмечаемые героем внешние приметы ее облика («она стала маленькая, вероятно, очень легкая», с походкой «человека на седьмом десятке», «была одета в длинную до пят довольно широкую юбку и драповую кофту в талию, на голове у нее был светло-коричневый шерстяной платок», который «обрисовывал жгут, вероятно, теперь уже совсем седых волос»; в руках она несла «домодельный матерчатый ридикуль и длинный тонкий, как игла, зонтик с белой ручкой») не кажутся избыточными, неуместными, но важны как условие воплощения идеала. Поэтому значимым становится и постепенное приближение матери к сыну, которое он последовательно фиксирует в своем сознании: идет по улице, переходит ее, поднимается по ступеням крыльца, заходит в переднюю, закрывает дверь, вытирает ноги о половик и начинает разматывать свой платок:

И тогда я пошел навстречу ей.

В этот миг она обернулась. Я думал, что она закричит, упадет, и я заспешил, протянув к ней руки, чтобы удержать ее. Но она, словно отделившись от пола, понеслась на меня...

И так далее, и так далее, и так далее [Берберова, 2011а, с. 108].

На этом демифологизирующий идею возвращения роман Вани Лехина обрывается, а Гриша-читатель восстает против «правды» «человеческого документа», лишившего читателей и самого автора последней надежды и разрушившего, тем самым, жизнь его друга:

Страниц, как я уже сказал, было около ста, но уже теперь все было мне ясно: Ваня Лехин умер от воображения. Оно перешло в лихорадку, это лихорадка, может быть, трепала его весь последний год, а какой прекрасный был человек! По всем швам Биянкуру не везет: лучшие люди его умирают, достойные людидохнут. Пускаются они, сначала тайно, во всяческие мрачные развлечения и домучивают себя как умеют. А некоторые, не далеко ходить, берут перо-бумагу и строчат. И грустно становится на них смотреть: такого рода энергия им не пристала, такого рода энергия от них не оставит ни полстолько. Так останемся же, друзья мои, пехотинцы и маневры, чем были! Не нужны нам ни перо, ни бумага, ни чернильницы. Ни слава, ни денежные суммы, ни любовь очаровательного существа пусть не тревожат наших снов. Тише воды, ниже травы советует нам сидеть испытанный в этих делах тип. И пусть о нас другие что-нибудь напишут, а сами мы — от двух бортов в красного — не писатели! [Там же, с. 109].

Бунт героя-рассказчика направлен против антиутопического творчества, разрушающего последние иллюзии эмигрантов. Для автора же метатекстовая структура «романа о романе» позволяет не только включиться в младоэмигрантский разговор о возможностях литературы «человеческого документа», но и обозначить свои позиции относительно того, что жизнь больше литературы и в творчестве не укрыться от драмы эмигрантского существования (о чем много позже Берберова будет писать в «Курсиве»).

Развенчивающая иллюзии свободного возвращения эмигрантов на родину, Берберова всей страстностью своей натуры протестовала против официальной

агитации советского правительства по возвращению в страну видных писателей, философов и общественных деятелей. Для эмигрантских «детей», представителей «незамеченного поколения», вопрос о невостребованности на чужбине стоял особенно остро, разочарование в европейской жизни приводило к увлечениям различными общественными союзами — от евразийства — до национал-максимализма [см.: Варшавский, с. 51–144], а мечта о возвращении на родину иногда становилась реальностью благодаря вмешательству советского государства (возвращение Ан. Ладинского, В. Андреева и др.).

В романе Н. Н. Берберовой «Последние и первые» (1928–1929), посвященном изображению жизни простых русских обывателей во Франции, поставлен вопрос о «третьем пути» существования русских эмигрантов (кроме гибели на чужбине или возвращения на родину). Поскольку трагедию существования эмигранты первой волны видели в оторванности от родной земли, одним из вариантов обустройства *«тут-бытия»* стала почвенническая в своей основе, идущая от славянофилов и Достоевского, идея духовного спасения на земле, воспринятая, однако, не религиозно.

Для начинающей писательницы идея «сесть на землю» приобретала социальный, культурный и поколенческий смысл. Герои ее романа ищут ответа на главный вопрос: как жить в эмиграции? Прямая цитата из Евангелия от Матфея в названии (гл. 19, 20: «Многие же будут первые последними, и последние первыми <...> Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных») отсылает к переоценке ценностей в ситуации национально-исторической катастрофы. «Последние» — «промотавшиеся отцы», «первые» — дети как надежда эмиграции. Несмотря на подражательность и некоторые художественные несовершенства, осознаваемые и самой Берберовой, первый роман автора вызвал даже больший резонанс, чем ее известные повести. Знаменательно, что такой строгий критик, как Набоков, оставил почти хвалебную рецензию на роман, в которой писал, что его естественные несовершенства (как произведения молодого автора) искупаются задачей создания эпического «образа эмигрантского мира» из позиции внаходимости, которая будет доступна только «русскому писателю будущего века», задумавшему написать об эмиграции:

Из всего эмигрантского, житейского — рыхлого, корявого, какофонического — она (Берберова. — М. Х.) выкроила, возвела в эпический сан, округлила и замкнула по-своему одно лишь из явлений нашего быта: тоску по земле, тоску по оседлости. <...> Слог на редкость крепок и чист, образы великолепны своей веской и точной силой... Это литература высшего качества, произведение подлинного писателя [Набоков, с. 42].

Такие оценки, несомненно, были вызваны и общественной актуальностью произведения: особой энергетикой самой идеи «сесть на землю», противостоящей денационализации, с одной стороны, и деятельности целой организации по «ловле» и возвращению в Советскую Россию «заблудших» — с другой. Именно «руке Москвы» пытаются противостоять герои романа, обустроивающиеся

на земле Прованса «здесь и сейчас», на конкретной пяди земли. Берберова выстраивает свой миф о спасении «незамеченного поколения», основанный на сохранении культуры (фраза «Мы не в изгнании — мы в послании» принадлежала именно ей), опираясь на почвеннические идеи Ф. М. Достоевского¹.

Берберовой близки «последние вопросы» великого предшественника и умение исследовать жизнь человеческой души в критические, переломные моменты. Как герои Достоевского постоянно размышляют о «конце мира» и о вариантах спасения, так и персонажи писательницы-эмигрантки пытаются победить утопию возвращения в Россию обретением «воздушных корней» — сохранением национальной идентичности с помощью расселения русских беженцев на французской земле, укорененности. «Пока мы не в России, место наше на земле», — говорит мать семейства Вера Кирилловна колеблющемуся Шайбину [Берберова, 2000, с. 172]. Организатор переселения колонии русских из Парижа на землю Прованса Илья Горбатов обосновывает тягу русских к земле устройством ментальности:

...Объяснение надо искать в самой нашей русской породе. Здесь, вероятно, играет роль то, что земля — самая близкая нам стихия, что мы на земле всегда «у себя». Да, русским одно спасение от денационализации — это земля [Там же, с. 236].

Национальное представление о сакральности земли воплощается в песнях нищего странника, совершающего свой путь с девочкой-сиротой между поселениями русских. В текст романа входит одна из песен, реально записанных в сентябре 1928 г. к западу от Мюрэ (о чем говорится в авторской сноске). Странник благословляет брак русской девушки и французского юноши — фермера: «Тогда не страшно, Благословение Господне, земля одна» [Там же, с. 164]. Особая роль мифологического носителя национальной ментальности утверждается и логикой развития сюжета: роман начинается приходом странника и завершается его повторным возвращением и смертью в семье Горбатовых, которым он символически передает сироту. В концепции романа принципиально важным является и образ Анюты — странницы без дома, семьи и родины. Странничество и сиротство делают ее символом трагедии эмиграции: отрыв от корней, бездомность, постоянная борьба за выживание. В финале обретающая дом на земле и семью Горбатовых Анюта воплощает надежду на спасение в эмиграции.

В жанровом отношении роман Берберовой также отсылает к «идеологическому роману» Достоевского: герои — носители разных вариантов существования в эмиграции («сесть на землю» в провинции, погибать в Париже, вернуться на родину) — спорят о будущем и в результате нелегкого выбора объединяются вокруг своего героя-идеолога Ильи Горбатова, проповедующего коллективный

¹ Несмотря на то, что в зрелый период писательница будет снисходительно относиться к влиянию русской классики на современную литературу (по ее ироничному определению, традициям «толстовского»), начальный этап ее творчества отмечен несомненным влиянием Достоевского. Позднее, в автобиографии «Курсив мой», она признавалась, что в пору работы над романом Достоевский «подавил» ее «вне всякой меры» [Берберова, 2011б, с. 437].

труд на земле, обустройство дома и создание семьи. Но как всякий герой-идеолог, он лишен индивидуального существования, а потому и личного счастья (отказывается от любви Ньюши), и не может состояться как цельный человек. Схематичность отсылающего к князю Мышкину образа центрального героя дает упрощенный взгляд на «героя времени», но уравнивается женскими образами — Марьяны и Веры Кирилловны, обладающими цельностью и полнотой. Мудро приняв эмигрантскую реальность, они взялись осваивать и обустривать чужое пространство, воссоздавать в нем свой дом и мир. В возделывании и одомашнивании земли, в строительстве семьи они обретают свой путь².

Однако путь обустройства на земле имеет и вполне конкретный смысл — как противодействие мифу о возвращении в Россию, который обретает в романе свои реальные черты, изображается как глубоко продуманная стратегия советской власти, соблазняющей молодых эмигрантов благоустроенной жизнью с целью дискредитировать эмиграцию. Усилия отца и сына Келлерманов по «уловлению душ» в Париже становятся западней для Васи Горбатова, стремящегося найти себя и обрести «корни» на родине (вернуться к отцу, от имени которого ведется агитация). Однако предостережений сестры Марьянны о том, что это хорошо спланированная акция, а не помощь знакомого по дореволюционной жизни Келлермана своему начальнику Горбатову и его сыну, Вася не слышит:

Не могу я здесь, мой путь домой, к отцу, и здесь наши общие цели с Келлерманом. — Он опустил голову. — Знаю, что Келлерману хочется отцу угодить, но не все ли равно, Марьянна? Я, может быть, и без него бы поехал.

— Не поехал бы!

— Не знаю. Мне здесь невозможно. Отец там с Келлерманом заодно работает и сиденье наше здесь презирает. Поеду — будут деньги, будет жизнь, какая захочу. Я эту не выбирал. И, знаешь, мне необходимы, то есть совершенно необходимы корни [Берберова, 2000, с. 11].

В романе вскрывается целый комплекс мотиваций, влекущих молодых эмигрантов на родину, в котором не последнее место занимает надежда на более обустроенную в материальном отношении жизнь (собственный выбор и обретение «корней» Вася ставит на второе место).

Сюжетная линия по возвращению Васи Горбатова в Россию получает остроту шпионского романа и составляет главную фабульную интригу. Пытаясь уберечь младшего брата от опрометчивого выбора, Ильи (предварительно взяв с него слово, что тот дождется его возвращения) едет в Париж, чтобы лицом к лицу встретиться с Келлерманом, вернуть ему выданный на дорожные расходы чек и потребовать от него «оставить Васю в покое». Но Адольф Келлерман отправляет Васе телеграмму от имени Ильи, чтобы выманить его из Прованса,

² Через несколько лет, став женой художника Макеева, Нина Берберова жизнотворчески воплотит идею переселения на землю: создаст свой дом из «маленькой старой фермы», в «диком» месте Прованса, где с 1938 по 1948 г. будет «сажать деревья», «возиться с пчелами», «окапывать клубнику», а в трудные военные годы — и сажать картошку [Берберова, 2011б, с. 470].

в результате братья разминулись. Подробнейшая сцена встречи Ильи со старшим Келлерманом имеет и самостоятельное социологическое значение: изображает жизнь крупного советского сановника, сумевшего соединить свою дореволюционную профессию торговца пушниной со службой в органах.

Отталкивающие, чрезмерно телесные внешние черты, как и манера поведения советских посланцев, обнажают их лживо-агрессивную природу. Европейская дорогая одежда лишь подчеркивает их враждебность и бедному эмигрантскому существованию, и неверность советскому аскетическому:

Когда Илья оглянулся, Александр Адольфович Келлерман был уже в комнате. Он стоял в дверях, расставив руки и ноги, склонив голову немного на бок. Выражение лица было у него всегда одно и то же: да я хитер, но, прошу заметить, перед вами я решил этого не скрывать. На нем был отличный костюм в мелкую, но пеструю клетку, мягкий воротник, чуть артистического фасона, и пышный веселый галстук. Верхняя пуговица брюк и нижняя жилета были не застегнуты. Он так и пошел на Илью [Берберова, 2000, с. 54];

...На площадке лестницы, хлопая лифтными дверцами, стоял Адольф. Трудно было поверить, что это он. Широкие бедра его казались необъятными от клетчатых штанов, спадавших до толстых икр, в неподвижном лице по-прежнему не было ничего замечательного: светлые глаза, которые он с некоторых пор стал прятать за большими дымчатыми очками, плоский, большой рот были те же и как будто уже не те. За четыре года он огурубел и отяжелел чрезвычайно [Там же, с. 59].

Роскошная квартира в «громадном» доме между Елисейскими полями и набережной Сены, укрытая ковром мраморная лестница, «по которой не без отвращения взошел Илья» [Там же, с. 53], создают полную противоположность не только скромному дому во французской провинции и подвалам эмигрантского Парижа Расторопенки, но и вспомнившейся Илье «уплотненной квартире в Настасьевском переулке» самих же Келлерманов. Циничный делец не считает нужным долго играть роль добропорядочного сослуживца отца, знакомого братьям Горбатовым с детства. Понимая, что возвращающий проездные деньги Илья не отступит, он откровенно сообщает ему о главной работе в Париже и источниках своего нынешнего благосостояния:

Но вы понимаете, дорогой мой, что в наше время мы приезжаем сюда не только пустышнить по поводу товарообмена, мы стали людьми двойной, а то и тройной профессии. Васенька нужен не мне, вернее, не мне одному. Он мне нужен как бы в-третьих; Степану Васильевичу он, конечно, нужен, во-вторых [Там же, с. 57].

Илья окончательно осознает, что цели Келлерманов политические, а не семейные, когда обнаруживает их вмешательство в жизнь и Нюши Слетовой, и колонии парижских русских, во главе с Расторопенко, с которой Илья ведет переговоры о переселении на земли Прованса. Но именно оказавшаяся игрушкой в руках Келлерманов Нюша вступает в поединок с Адольфом и «увозит» Васю с вокзала, открывая ему глаза на деятельность организации и давая надежду на любовь:

Василий Степанович, этот подлец на службе у собственного отца, вся будущность этого кораблестроителя обеспечена, если вы сейчас уедете. Деньги, которые вам дали, думаете, отец их вам прислал? Стойте! Нет никакого Степана Васильевича Горбатова!

Вася ринулся к ней.

— Что вы говорите, не может этого быть! — вскричал он, ловя ее за руку. <...>

— Ну, довольно, сказал он (Адольф. — М. Х.) раздельно, — полезай в вагон, не то корзинка твоя уедет.

Вася повернул к нему искаженное лицо. Он весь собрался в до сих пор неведомом душевном усилии. Это мгновение для него было так ярко, так остро — оно вылилось в два слова, которые он едва не выкрикнул во весь голос: я живу! [Берберова, 2000, с. 121].

В финале «последние и первые» Берберовой оказываются только в начале трудного и долгого пути по обустройству в эмигрантской реальности, но они избавляются от самой вредной, по мысли автора, иллюзии — жизни прошлым, возвращения в Россию, которой нет. Трезвый антиутопический взгляд Берберовой на идею возвращения близок набоковскому: в сознании читателя закономерно возникает финал «Машеньки». Позднее, в повести Берберовой «Роканваль» (1936), изобилующей отсылками к произведениям Набокова 1930-х гг., сюжет возвращения на родину, связанный с судьбой безответственного авантюриста дяди Роберта, окончательно профанируется [Хатямова, с. 53–55].

Источники

Берберова Н. Н. Последние и первые; Дело Кравченко. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

Берберова Н. Н. Биянкурские праздники. М.: АСТ: Астрель, 2011а.

Берберова Н. Н. Курсив мой: автобиография. М.: АСТ: Астрель, 2011б.

Варшавский В. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Рус. путь, 2010.

Набоков В. В. Рец. на роман Н. Берберовой «Последние и первые» // В. В. Набоков: pro et contra: [Т. 1]: Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология: [в 2 т.] / [сост.: Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долина; коммент. Е. Белодубровского и др.]. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. ин-та, 1997. С. 41–42.

Исследования

Каспэ И. Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛЮ, 2005. С. 124–139.

Коростылев О., Федякин С. Полемика Г. В. Адамовича и В. Ф. Ходасевича (1927–1937) // Рос. литературовед. журн. 1994. № 1. С. 204–208.

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008.

Рубинс М. Жанр человеческого документа в русско-парижской прозе 1930-х годов // Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд из XXI века = Russian emigre literature of 1920–1940 a view from the 21st century: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 4–6 октября 2007 года / под ред. Л. А. Иезуитовой, С. Д. Титаренко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. С. 28–38.

Хатямова М. А. Проза Н. Н. Берберовой: литературность «человеческого документа»: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2015.

Шепетовский Д. В., Хатымова М. А. Жанровые черты фельетона и очерка в рассказах Н. Н. Берберовой «Биянкурские праздники» DOI 10.17223/18137083/58/9 // Сиб. филол. журн. 2017. № 1. С. 92–102.

References

Kaspe, I. (2005). *Iskusstvo otsutstvovat': nezamechennoe pokolenie* [The Art of Being Absent: The Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow: NLO. (In Russian)

Khatyamova, M. A. (2015). Proza N. N. Berberovoj: literaturnost' chelovecheskogo dokumenta [N. N. Berberova's Prose: The Literary Nature of the "Human Document"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Press. (In Russian)

Korostylev, O., & Fedyakin, S. (1994). Polemika G. V. Adamovicha i V. F. Hodasevicha (1927–1937) [Polemics of G. V. Adamovich and V. F. Khodasevich (1927–1937)]. *Russkij literaturovedcheskij zhurnal*, 1, 204–208. (In Russian)

Matveeva, Yu. V. (2008). *Samosoznanie pokoleniya v tvorchestve pisatelej-mladoemigrantov* [The Self-Awareness of the Generation in the Works of Young Émigré Writers]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Rubins, M. (2008). Zhanr chelovecheskogo dokumenta v russko-parizhskoj proze 1930-kh godov [The Genre of the Human Document in the Russian-Parisian Prose of the 1930s]. In L. A. Iezuitova, & S. D. Titarenko (Eds.), *Literatura russkogo zarubezhja (1920–1940): Vzgliad iz XXI veka* [Russian Émigré Literature of 1920–1940: A View from the 21st Century] (pp. 28–38). St Petersburg: Faculty of Philology. (In Russian)

Shepetovsky, D. V., & Khatyamova, M. A. (2017). Zhanrovye cherty feljetona i ocherka v rasskazakh N. Berberovoj "Bijankurskije prazdniki" [Genre Traits of the Feuilleton and Character Sketch in Nina Berberova's *The Billancourt Tales* Short Stories]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 1, 92–102. doi: 10.17223/18137083/58/9. (In Russian)

Хатымова Марина Альбертовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русской литературы
XX века

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, Томск, Ленина, 36
E-mail: Khatyamovama@mail.ru

Khatyamova, Marina Albertovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of 20th-Century Russian Literature
National Research Tomsk State University
36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia
Email: Khatyamovama@mail.ru